

Троице-Сергиева лавра и Музей-заповедник во время Великой Отечественной войны

В 1918–1920 гг. Троице-Сергиева лавра была закрыта как монастырь, но находившиеся в ней накопленные в течение веков ценности с осени 1918 г. находились в ведении Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. А в апреле 1920 г. вышел декрет об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры». Период деятельности вышеупомянутой Комиссии подробно изучен¹. Следующий период – 1928–1941 гг., полный драматических, а порой и трагических событий, также освещен в одном из исследований². Несомненный интерес представляет жизнь Лавры и созданного на ее основе музея в период войны. Он не менее насыщен событиями, чем предыдущий.

Отступление наших войск в первые месяцы войны долгое время объясняли внезапностью нападения Германии, однако еще в апреле 1941 г. по приказу директора в музее проводились учения по противовоздушной обороне³.

После начала военных действий спешно стали готовить музейные ценности к эвакуации. Хотя многие сотрудники были уволены, оставшиеся упаковали золотые и серебряные вещи монастырской Ризницы, церковные одежды, некоторые иконы, а также тяжелую серебряную раку с мощами преподобного Сергия. К 25 июля 42 ящика разного размера были заколочены. По непонятной причине самые ценные иконы – иконы Троицкого собора, написанные Андреем Рублевым и художниками его круга, не были отправлены в эвакуацию. Их, как и многие другие вещи скрыли в тайниках, устроенных в стенах и строениях монастыря.

А упакованные ценности перевезли в Москву, в Исторический музей. Потом драгоценный груз был отправлен дальше. На барже в сопровождении директора музея И.З. Птицына и его жены вещи благополучно прибыли 22

октября в пункт назначения – город Соликамск Пермской (тогда Молотовской) области. Ценности Птицын сдал на хранение директору филиала Русского музея – тот был назначен хранителем специального груза музеев⁴. В Соликамске ящики периодически вскрывали для выборочного контроля. Выяснилось, что часть вещей повреждена гвоздями – гвозди, которыми заколачивали ящики, оказались слишком длинными. Других повреждений не было.

В ноябре 1942 из музея командировали в Соликамск двух сотрудниц – А.М. Курбатову и Н.М. Прасолову – проверить состояние ценностей. Оказалось, что только ткани немного повреждены мышами. (Страшно подумать, какие трудности испытали эти женщины, каким опасностям подвергались, отправившись поздней осенью в разгар войны в такую поездку)⁵. Эвакуированные вещи вернулись в музей в ноябре 1944 г.

А директор И.З. Птицын в музей уже не вернулся. Он был призван в морскую пехоту и летом 1942 года погиб в одном из боев подо Ржевом.

Большую работу в первые же дни войны пришлось проделать реставраторам. Главным архитектором и начальником Стройучастка, проводившего реставрационные работы в Лавре, был в то время И.В. Трофимов. Прежде всего, надо было замаскировать золотые купола. Их замазали краской, а М.В. Потоцкий, один из студентов Академии художеств, проходивших практику, который был назначен заместителем главного архитектора, сшил полотняный чехол для купола Троицкого собора. Трофимов отзывался о нем как об исключительно талантливом человеке. Вскоре он погиб в бою. И имя его было забыто⁶.

В самом начале войны реставраторы занимались также восстановлением сводчатых помещений, которые можно было бы использовать для хранения ценностей. Эти работы проводились в основном в Больничных палатах и в нижнем ярусе колокольни.

Реставраторы воспользовались тем, что в связи с эвакуацией освободились многие помещения в крепостных стенах и башнях, прежде

занятые жильцами, и провели ряд работ, чтобы обеспечить круговой обход Лавры по стенам и подготовить их к реставрации. Также, благодаря тому, что Педагогический техникум эвакуировался и освободил помещение царских Чертогов, пока их еще не занял госпиталь, удалось провести там обмерные работы.

Были также сделаны некоторые обследования Духовской церкви, Троицкого собора и его Никоновского придела, продолжена подготовка проекта реставрации северной части гульбища Трапезной. Профессор П.В. Щусев и инженер Н.А. Бруханский исследовали причины появления трещин в Певческой башне. Щусев и инженер М.В. Хитровский сделали также проект вертикальной планировки территории, необходимой для защиты реставрированных памятников и хранилищ музея от затекания ливневых вод. Это лишь неполный перечень работ, осуществленных в 1941 г.⁷

Руководитель Стройучастка И.В. Трофимов был вскоре мобилизован. Главным архитектором и научным руководителем реставрационных работ стал член Постоянной реставрационной комиссии Н.Д. Виноградов, каждую неделю приезжавший из Москвы. Во время войны он составил описание всех зданий Троице-Сергиевой лавры, отметил их техническое состояние. В 1944 г. им была издана книга «Троице-Сергиева лавра» в серии «Сокровища русского зодчества».

Масштабную работу по исследованию всех памятников Лавры провел во время войны ученый секретарь постоянной комиссии по реставрации Загорского музея-заповедника В.П. Зубов, начавший ее еще до войны. В результате была создана основа для дальнейшего планомерного развертывания реставрационных работ. Зубовым были составлены сводки документальных данных по крепостным стенам и башням, Троицкому собору, Успенскому собору, Духовской церкви, Трапезной, Ризнице, Экономовскому корпусу, Чертогам, колокольне, дорогам и мостовым на территории Лавры, прудам, колодцам и водостокам, Западной линии келий. Это были изыскания по истории строительства каждого здания, всех

переделок, ремонтов реставраций и т.п. На основании этих данных составлены исторические планы монастыря в XVII и XVIII вв.⁸

К сожалению, в дальнейшем заслуги и Н.Д. Виноградова, и В.П. Зубова были забыты: в многочисленных книгах В.И. Балдина по архитектуре Троице-Сергиевой лавры их имена почти не упоминаются.

Летом 1941 г. произошло событие, на первый взгляд, незначительное, но сыгравшее большую роль в дальнейшей судьбе музея: к нему в качестве отдела был присоединен Музей народных художественных ремесел. Собственно это был даже не музей, а экспонаты Всесоюзной выставки народных художественных промыслов, открытой в 1937 г. в залах Третьяковской галереи. Через некоторое время залы галереи пришлось освободить. Выставку назвали Постоянной, однако места для нее в Москве не нашлось. Экспонаты хранили в разных московских музеях, а в августе 1939-го было приказано Загорскому музею в пятидневный срок освободить большую часть Трапезной и два этажа колокольни под экспонаты теперь уже не выставки, а Музея народных художественных ремесел, директором которого была назначена организатор выставки З.Я. Швагер⁹. Этот музей в дальнейшем стал основой отдела народного и советского декоративно-прикладного искусства, существующего поныне, что впоследствии существенно изменило направленность работы всего музея-заповедника, перетянув на себя значительные силы музейных работников. Вначале это присоединение вся работа музея была практически парализована необходимостью провести инвентаризацию громадного числа экспонатов вышеупомянутой выставки. А позже многие молодые энергичные сотрудники, поступавшие в музей, предпочитали проводить собирательскую и научную работу с целью пополнения и изучения экспонатов этого отдела в ущерб работе с ценностями Лавры, хотя на их основе собственно и был создан музей.

Часть сотрудников музея в самом начале войны была мобилизована или уволена. Надо отдать должное оставшимся. Хотя музей и считался

законсервированным, но на оставшихся экспонатах в 1942 г. летом была открыта временная выставка «История монастыря XIV–XX вв.», восстановлена довоенная экспозиция «Быт высшего духовенства XVIII в.». Открыли также архитектурный отдел, в котором была показана история всех зданий Лавры и работа по их реставрации. С наступлением тепла вновь стали доступны для осмотра Успенский собор и Надкладезная часовня, а также экспозиция Военно-исторического отдела. В 1941–1942 гг. посетителями музея были в основном бойцы и командиры проходивших через город частей Красной армии, а во время учебного года также школьники. В 1943 г. музей посетили 14,5 тысяч человек¹⁰.

Условия жизни и работы сотрудников в этот период были очень тяжелы. Залы не отапливались вовсе. Зарплата была крайне низкой: старший научный сотрудник с высшим образованием получал 375 руб., а охранник – 120 руб. в месяц. Никто не имел рабочих карточек. Заслужкой директора музея-заповедника З.Я. Швагер было то, что она вместе с месткомом обращалась даже к Председателю СНК РСФСР с просьбой выделить дополнительные нормы продуктов для сотрудников музея и работников Стройучастка, проводивших реставрацию. В результате некоторые были прикреплены к столовой и закрытому распределителю¹¹.

Еще больше оживилась работа музея после того, как в военных действиях произошел перелом. В музейных фондах хранилось большое количество тканей XIX в. из собраний Гефсиманского скита, Оптиной пустыни и Троице-Сергиевой лавры. И вот пришла в голову замечательная мысль устроить их выставку. Инициатором и устроителем стал А.Н. Свирин, бывший директором музея в 1920-х гг. (В 1944 г. он поступил в музей на временную работу в качестве совместителя). Вероятно, открытие этой красочной выставки было очень своевременным: людям, измученным годами войны, необходимы были яркие впечатления¹². За все последующие годы подобной выставки не было.

А потом возникла мысль провести к 25-летнему юбилею музея Рублевскую сессию с выставкой икон, написанных Андреем Рублевым и художниками его круга. Подготовка к юбилею велась в соответствии с приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР от 13 июня 1944 г. Иконы, вынутые в начале войны из иконостаса Троицкого собора и спрятанные в тайнике, надо было поставить на место, предварительно освободив от бумаги, которой они были заклеены. Осенью 1943 г. музей предпринял «за свой страх», как писал архитектор И.В. Трофимов, реставрацию икон и пригласил реставратора И.А. Баранова на договорных началах со сдельной оплатой труда. Работа началась, когда уже наступили морозы. В теплом помещении недостаточно прогретые иконы реставратор обрабатывал горячей водой. В результате слой олифы, покрывавшей иконы, стянулся, превратился в сгустки, обнажив часть живописи. Трофимов утверждал, что музейные работники при реставрации не присутствовали, не было даже составлено акта приемки выполненных работ. Реставратор получил 20 тысяч рублей и уехал, оставив иконы в состоянии, требующем немедленной реставрации. Музей спешил восстановить иконостас в Троицком соборе и готов был поставить иконы в таком виде. Но Трофимов воспротивился этому и пригласил другого реставратора – Н.А. Баранова, до 1931 г. работавшего над расчисткой и реставрацией этих икон. Тот выполнил всю необходимую работу: снял сгустки, нанес слой новой олифы, после чего иконы были экспонированы на выставке, приуроченной к намечавшейся Рублевской сессии. Комиссия Главного управления по охране памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР осмотрела выставку и признала работу Н.А. Баранова безукоризненной, а его самого специалистом, «по праву считающимся единственным мастером в своей области в СССР»¹³.

Рублевская сессия не состоялась: в последний момент, когда все уже было готово, была отменена без объяснения причин. Но выставка была открыта, хотя, как можно понять из документов, для широкой публики она была недоступна. 18 мая 1945 г. ее посетило 250 художников-делегатов X

плenums оргкомитета Союза советских художников. Был подготовлен к печати альбом «Произведения Андрея Рублева и его современников в Загорском музее-заповеднике» со вступительной статьей И.Э. Грабаря, аннотациями Ю.А. Лебедевой и 48 таблицами. Был составлен и сборник докладов о творчестве Андрея Рублева. По договорам с музеем несколько известных ученых: М.В. Алпатов, И.Э. Грабарь, В.Н. Лазарев и др. подготовили их¹⁴. Но публикация не состоялась.

Во время войны не прекращалась и научная работа. Так, А.М. Курбатова закончила перевод Вкладной книги монастыря XVII в. и Кормового синодика XVII в., работала также над классификацией записей Вкладной книги, фиксируя на карточки вклады денежные, земельные, лошадьми и пр. (3678 шт.; они утрачены). В 1987 году Вкладная книга была издана, но имя А.М. Курбатовой при этом не упомянуто. Был подготовлен к печати и ряд других работ¹⁵. Возможностей для публикации в то в то время не было. А смерть или увольнение сотрудника из музея ставили крест на надежде публикации его работ в дальнейшем. Это же относится и к исследованиям коллекций отдела народных художественных ремесел, которое во время войны осуществляли и сотрудники отдела, и специалисты, приглашенные по договорам¹⁶.

Впоследствии удалось издать только краткий путеводитель по музею, подготовленный во время войны ученым секретарем Ю.А. Лебедевой.

Музей-заповедник это не только экспонаты. Это строения, находящиеся на его территории – в том числе ценнейшие соборы и церкви XV–XVIII вв. В каком же состоянии они находились? В 1943 г. на территории музея располагалось множество учреждений и организаций: артель «Красный швейник», комендатура Загорска, военная автоколонна, ФЗО № 43, «Плодоовощ», Торг, хлебопекарни, ПВО, Педтехникум и др. и жили 600 семей (2500 человек). Картина, которую застал архитектор И.В. Трофимов, демобилизованный в конце 1943 г. отражена в его рапорте, большая цитата из которого приводится ниже: «Всем этим учреждениям и

лицам, находящимся внутри прославленных седых стен, нет никакого дела ни до ценностей русского искусства, ни до истории русского народа. В этом отношении они подобны дикарям. На памятник у них взгляд своеобразный: жильцы рассматривают его как скопление различных, в прямом смысле, строительных материалов, способных удовлетворять их личные потребности, притом совершенно бесплатно и безнаказанно. <...> Безнаказанность за захват помещений и всевозможные разрушения объясняются, с одной стороны, полной инертностью администрации музея, с другой, – благосклонностью и поощрением к этому руководителей г. Загорска. Поэтому в этом “странном” заповеднике царят порядки, явно противоположные идее заповедника. Он широко открыт для всех, в нем каждый может сделать все, что ему угодно. Музей, являясь по смыслу хозяином заповедника, не обладает необходимым авторитетом и, видимо, не может или не желает проявить себя в борьбе за целостность и неприкосновенность врученных ему исторических ценностей. Мало того, иногда деятельность руководителей музея играет в унисон с разрушительной деятельностью населения Лавры. <...>

Ощущая отсутствие хозяина, организации, внедрившиеся в пределы заповедника, чувствуют себя господами положения. Пединститут, водворенный, несмотря на протесты Стройучастка, властью руководителей города в помещение Чертогов, пробивает отверстия дверей и бреши в овеянных временем стенах Чертогов, искажая их художественную сущность. Он же, несмотря на категорическое запрещение со стороны Комитета по делам архитектуры, переделывает церковь в Чертогах под городской театр. Что может сохраниться от памятника архитектуры при таком неестественном приспособлении, и что же за театр получится в результате такого переустройства, учитывая хотя бы только один вопрос: разницу церковной и театральной акустики? ФЗО № 43 захватывает под кладовую дров помещение в восточной стене, предназначенное под столовую для рабочих-реставраторов и, несмотря на предписания прокурора об очищении, нагло

отказывается его выполнить, рассчитывая на обычную безнаказанность. “Красный швейник” самовольно приспособливает часть южной крепостной стены под швальню, заделывая кирпичом на глине амбразуры лоджий. Продовольственные организации рыщут по подвалам в поисках удобного места для приспособления под склады картофеля, капусты и т.п. <...> О деятельности военных организаций говорить много не приходится – они делают все, что заблагорассудится.

Даже сами власти г. Загорска используют для утилитарных целей два памятника начала XVI века, исторически связанных с Лаврой и расположенных на подходах к ней, вне ее крепостных стен. Одна из церквей – Введенская – используется как склад муки и зерна. Другая – Пятницкая – приспособлена и оборудована под вальцовую мельницу. Что при такой ситуации могло остаться от древнего интерьера? Как влияет вибрация мукомольных машин на древние фундаменты и стены? Никого эти вопросы не интересуют.

Население жилого сектора около 2500 человек. Взрослое население рассматривает музей как собственность, и ценность его построек определяет лишь с точки зрения наличия в них материалов, пригодных для личных потребностей. Нужда в топливе – одна из них. Исторически-художественное значение деревянных элементов памятников преломляется в представлении аборигенов как чудесное, сухое и совершенно бесплатное топливо. Огромные опустошения произведены в крепостных стенах, башнях, на чердаках, в лоджиях, перекрытиях и пр. Еще совсем недавно – год–два тому назад в этих помещениях существовали окна, двери, полы, перегородки, перекрытия, лестницы и пр. В настоящее время остался лишь камень, и башни смотрят с укором вдаль пустыми обезображенными глазницами. Старатели не только вынимают древесину, не связанную с основными конструктивными элементами, но также и часть несущих конструкций, на которых покоятся шатровые покрытия башен. <...> Даже над теми помещениями, в которых живут разрушители, вырезаются части деревянных стропил, очевидно, в

твердой надежде, что стропила будут все же вновь восстановлены музеем. В результате над шестым корпусом деформировалась крыша и грозит падением.

В местах общего пользования, коридорах и уборных из окон вынимаются и бесследно исчезают зимние, а подчас и летние переплеты, двери и пр.

Расхищается с крыш и кровельное железо. Растаскивается также кирпич из стен и заготовок Стройучастка, песок, глина, известь, стекло из переплетов, ограждающих помещения реставрационных мастерских, и пр. Учреждения Загорска тоже доходят до полного цинизма – автомобили приезжают за кирпичом, остающимся от разборки при производстве реставрационных работ, и увозят материал в город, направляют рабочих в яму Стройучастка за известковым тестом, заготовленным для реставрационных работ.

Чудесный парк, существующий в Лавре, умирает. Исчез бесследно яблоневый сад в стенах Лавры, вырубленный жильцами-вредителями на дрова. Постепенно отдирают вокруг ствола кору, и деревья гибнут.

Подрастающее поколение вносит свою лепту. Через выбитые подростками стекла они проникли в Трапезную и изъяли фотографии, сложенные в алтаре после экспозиции. Та же участь постигла имущество эвакуированных, сложенное там же. Был ободран и унесен холст, обтягивающий 19 стендов, установленных для бывшей в апреле 1944 года выставки художников Загорска. (Фото потом продавались по 8 руб. за штуку на рынке). Кровли памятников, стекла подвергаются бомбардировке камнями. С белокаменных барьеров сначала сдирается кровельное железо в помощь родителям, промышляющим изделиями из онога на рынке, затем разбирается по частям белокаменная плита, покоящаяся на баляснике, а затем и сам балясник. Они не нужны, потому сбрасываются вниз, причем ряд глаз с любопытством следит за их “интересным падением“. <...> Милиция

отпускает безо всякого взыскания юных правонарушителей, поощряя их к продолжению вредоносной деятельности.

Еще одна темная сторона существования музея – это чрезвычайное загрязнение не только территории, но и самих памятников заповедника. Все ящики для мусора переполнены и не вычищаются, санузлы разрушены, импровизированные помойки устраиваются на каждом шагу. Помои со всевозможными отбросами льются в ливнеспуски, засоряя их, выбрасываются в лоджии крепостных стен, подвалы, проезды, проходы и на площадки. Вся территория и помещения зданий покрыты экскрементами, при этом не только полы, но даже лестницы, подоконники и прочие пустующие помещения. Эти позорные явления выходят не только за стены “Заповедника”, но даже и за пределы русского общества. <...>

Историко-художественный заповедник в описанных выше условиях существовать не может, так как разрушение идет столь быстрыми темпами, что никакой восстановительный процесс не возможен. Единственным спасением является немедленное выселение всех чуждых музею учреждений, освобождение жилого сектора от проживающих в нем семейств и восстановление полной правовой независимости заповедника от руководящих органов г. Загорска»¹⁷.

Этот акт, составленный начальником и главным архитектором Стройучастка реставрационно-восстановительных работ И.В. Трофимовым, был подписан также членами Ученого совета крупными архитекторами и деятелями в области охраны памятников И.В. Жолтовским, И.В. Рыльским, Н.Д. Виноградовым, П.В. Щусевым, Н.Н. Соболевым, архитектором по обмерам Г.Ф. Сенатовым, десятником работ П.М. Даниловым, мастерами А.П. Бугровым, А.М. Бариновым, Ф.И. Герасимовым.

Сложившееся положение в значительной степени объясняется тяготами военного времени, но его, безусловно, можно считать и результатом атеистической пропаганды. Вряд ли кому-либо до 1917 г. пришло бы в голову вести себя в Лавре подобным образом.

В 1919 г. А.В. Луначарский на Первой всероссийской конференции музейных работников говорил: «В настоящее время идет лишь процесс передачи музеев народу, и народ еще мало заинтересован в них. <...> Необходимо возможно скорее соорудить мост от мира детей солнца к миру кротов и доказать массам, что музей для них необходим»¹⁸. Однако и за 20 лет решить эту проблему не удалось. Удивительно другое: директор музея В.К. Ряховский, сменивший в июне 1943 г., З.Я. Швагер, сам был архитектором, так что, по терминологии Луначарского, принадлежал к «миру детей солнца». Но именно ему в значительной степени и адресована инвектива Трофимова, причем весьма справедливо.

И.В. Трофимов горячо взялся за дело. В конце 1943 г., когда он вернулся, Стройучасток имел только 11 рабочих, из них реставраторов всего 2 человека. Трофимову удалось пополнить штат путем отзыва мастеров из армии и колхозов. Кроме того, он привлек в Лавру специалистов из инженерно-саперных частей Красной армии, расположенных в городе. Так что к концу 1944 г. в штате Стройучастка было уже 24 рабочих, и в реставрации принимали участие 42 военнослужащих.

Несмотря на тяжелейшие условия и большие проблемы с обеспечением стройматериалами, он продолжил реставрацию Больничных палат и церкви Зосимы и Савватия, начатую еще в 1938 г. после выселения из них 59 семей. Уже в 1944 г. реставрационные работы по ним были в основном завершены – замечательный храм был высвобожден из каменного мешка и обрел первоначальный вид. Было также ликвидировано аварийное состояние стен Духовской церкви, проведены работы по Никоновскому храму. При этом Трофимов нашел древний способ обработки камня, давший, как отметил И.Э. Грабарь «изготовленным белокаменным деталям убедительность и красоту, достойную первоначальных древних образцов»¹⁹.

Но львиная доля деятельности Стройучастка в конце войны носила ремонтно-строительный характер. Приходилось прочищать и восстанавливать ливнеспуски, ремонтировать места общего пользования,

восстанавливать печи, проводить по требованию городских властей ремонт квартир инвалидов войны и семей военнослужащих на территории Лавры.

Надо заметить, что директор музея В.К. Ряховский был очень недоволен тем, что все реставрационные работы, включая живописные, в годы войны были сосредоточены в Стройучастке, и считал, что это отразилось на темпах работ.

В годы войны на территории Лавры велись и археологические работы. В 1942 г. Г.А. Красноцветов провел раскопки у северной стены Духовской церкви, на месте разобранной часовни Максима Грека. В отчете он объяснял необходимость этого тем, что «недостаточно освещен вопрос об осаде Троице-Сергиева монастыря, и этот пробел надо пополнить археологическим материалом, который может дать очень много для истории вопроса и обогатить нас новыми знаниями о славном прошлом нашей родины и ее великих троицких патриотах». Им были выявлена цокольная часть церкви и обнаружено несколько надгробных плит. Наиболее интересными оказались плиты Антония Дмитровца середины XVI в. и князя Андрея Ивановича Ряполовского 1570 г. Исследования останков были проведены в технико-химической лаборатории ГТГ и в институте Антропологии МГУ, консультации по тканям получены в ГИМ. Красноцветов полагал, что находка плиты Ряполовского позволяла установить, где находилась звонница Духовской церкви²⁰.

Возвращаясь к ситуации в самом музее, необходимо сказать о той обстановке, которую создал новый директор. В.К. Ряховский, пробовавший себя и как литератор, получил в 1925 г. отзыв М. Горького Тот писал: «Перо у Вас мягкое, сердце, должно быть, тоже хорошее доброе»²¹. Но этот человек с «добрым сердцем», получив должность директора, основные усилия направил на то, чтобы изничтожить директора предыдущего. Он обвинял З.Я Швагер в том, что она якобы семь лет не могла открыть экспозицию. В местной газете по этому поводу появилась заметка, где говорилось, что Музей народных художественных ремесел долгое время ютился в первом

этаже колокольни и частично в Трапезной. В 1942 г. ему удалось занять некоторые помещения музея-заповедника, но Ряховский применил «по отношению к своему отделу, не желающему освободить нужные комнаты, своеобразные “меры воздействия”. Начатый ремонт здесь законсервирован, помещение совершенно не подготовлено к зиме. <...> В бывшем помещении сборного пункта, где сейчас (декабрь 1943 г. – Т.С.) размещены ценнейшие образцы, до сих пор открыты окна, большая часть их не застеклена, в комнаты врывается вьюга, всюду холод и запустение. С начала зимы в распоряжение музея предоставлено всего 6 охапок дров. <...> Дело отнюдь не в отсутствии средств, а именно в нежелании примириться с нелюбимым детищем»²².

Отчасти такое отношение, видимо, объясняется тем, что присоединение Музея народных художественных ремесел к музею-заповеднику рассматривалось как временное. Но скорее дело было в чем-то другом. Ряховский явно добивался увольнения Швагер, которая еще некоторое время оставалась заведующей отделом народных художественных ремесел. Он преследовал ее за имевшиеся якобы прогулы, потом, обвинил в недостатке экспонатов – 3960 предметов на сумму 95335 руб. 54 коп. и настаивал на передаче дела о возглавляемом ею отделе в следственные органы, а ее саму требовал привлечь к уголовной ответственности и наложить арест на ее имущество²³. И в конце концов добился ее увольнения в апреле 1945 г.

Как уже было сказано, силы музейных работников и во время войны, и позже, в течение нескольких лет были отвлечены на инвентаризацию вещей бывшего Музея народных художественных ремесел. Это оказалось исключительно трудной задачей. Вещи были оформлены для выставки не так, как полагается по музейным правилам, то ли по незнанию, то ли потому, что торопились с открытием. Возникла очень нервная обстановка. Сотрудники подозревали Швагер в том, что она может какие-то вещи переместить или изъять. А она обвиняла комиссию по приемке в создании

колоссальной запутанности, ставящей под угрозу целостность коллекций, и даже в том, что Ряховский уничтожил часть экспонатов²⁴.

Фондовая работа крайне осложнилась еще и из-за того, что в марте 1943 г. горком ВКП (б) мобилизовал главного хранителя Н.М. Прасолову и направил ее партсекретарем в Загорскую артель игрушки им. РККА. Трудно представить более неуместное решение. И так к исключительно трудоемкой работе по инвентаризации вещей музея народных художественных ремесел добавилась необходимость огромной работы по передаче фондов²⁵.

С 1944 г. стало широко практиковаться приглашение на работу специалистов по договорам. О А.Н. Свирине сказано выше. Для описания икон праздничного ряда Троицкого собора была приглашена Н.А. Демина, описанием экспонатов Митрополичьих покоев занимался Н.Н. Соболев, историей архитектурных памятников – М.А. Ильин²⁶.

Посетителями во время войны были офицеры и красноармейцы, школьники, студенты, научные работники, художники. Много было представителей иностранных государств: Англии, Франции, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Италии, Швеции, Испании. Но большой рекламной работы музей не вел из-за плохого состояния архитектурных памятников и неудовлетворительной охраны. К тому же был запрещен свободный проезд по железной дороге. Однако имелся сотрудник, который немедленно извещал о музее прибывающие в город воинские части. В 1944 г. музей посетило 20 тысяч человек, было проведено 500 экскурсий, в 1945 г. соответственно 20 тысяч посетителей и 400 экскурсий²⁷.

С 1944 г. возобновилась работа над новыми выставками и экспозициями, ряд их удалось открыть уже в 1944–1946 гг. Были разработаны интересные перспективные планы развития музея.

Но изменение отношения государства к Церкви во время войны повлияло на дальнейшую судьбу музея. Еще в январе 1945 г. по распоряжению Управления по делам искусств музей должен был передать Совету по делам религий (по выбору представителя Патриархии) ряд

богослужбных книг, предметов церковной утвари и облачений²⁸. А 4 сентября 1945 г. Совет по делам Русской Православной Церкви уведомил Патриарха Алексия, что его ходатайство о предоставлении здания бывшей Московской духовной академии в Троице-Сергиевой лавре, а также об открытии Успенского собора Лавры удовлетворено²⁹. И с весны 1946 г. по распоряжению вышестоящей инстанции музей начал передавать Московской Патриархии и вещи из музейного фонда, и здания. Как правило, строения передавались в ужасающем состоянии. Патриархии пришлось срочно заняться их ремонтом. Качество проведения этих работ не всегда отвечало представлениям музейных работников о том, каким оно должно быть. А сама передача зданий, в которых находились музейные экспозиции, велась настолько непродуманно, что можно подумать, что это делалось специально, чтобы обострить отношения между музеем и Церковью. Но скорее причиной была обычная безответственность чиновников³⁰.

В заключение можно сказать, что военный период Музей в основном выдержал успешно. Утраты вещей были, но не больше, чем в предшествовавший период, хотя часть вещей Комиссия по проверке ценностей в августе 1941-го сочла целесообразным уничтожить. Эта участь постигла две сотни икон, почти столько же предметов из тканей, а также евангелия, кресты и другие предметы церковного назначения.³¹ Некоторые медные вещи музея пришлось сдать в фонд обороны.

Эвакуация и реэвакуация прошли без потерь. За все это, в том числе и за работу по обслуживанию посетителей в годы войны, 18 сотрудников Музея были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Стройучасток под руководством Трофимова прилагал героические усилия для проведения ремонта и реставрации зданий.

- ¹ Трубачева М.С. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти // Музей 5. М., 1984. С. 152–164; Андроник (Трубачев), игумен. Заккрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008.
- ² Смирнова Т.В. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 гг. // Труды ГИМ. Забелинские чтения 2004 г. М., 2005. Вып. 149. С. 414–429.
- ³ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 04.04.41 и 15.05.41.
- ⁴ Там же. Инв. 2/62. Л. 2, 3, 72, 84.
- ⁵ Там же. Инв. 2/65. Л. 7, 8, 10, 14, 184 2/67. Л. 2-2 об.; ОК. Приказ от 12.11.42.
- ⁶ Там же. НА–65. *Виноградов Н.Д., Зубов В.П.* Отчет о реставрационно-восстановительных работах Загорского музея в 1941 г. Л. 1.
- ⁷ Там же. НА–65. Л. 1–9.
- ⁸ Там же. НА–46 -59, 158–160.
- ⁹ Там же. Инв. 2/82. Л. 1–2 об.; 2/65. Л. 11, 12.
- ¹⁰ Там же. Инв. 1/86. Л. 1, 2; 1/89. Л. 3; 1/87. Л.2; 1/88. Л.7; 1/90. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Инв. 1/87. Л. 2 об., 3–5.
- ¹² Там же. Инв. 1/100. Л. 4; 1/96. Л. 60–66; НА–89.
- ¹³ Там же. НА–66. Л. 12–14.
- ¹⁴ Там же. Инв. 1/97. Л. 5–8; 1/121. Л. 6/№.
- ¹⁵ Там же. Инв. 1/86. Л. 6,7; 1/90. Л. 4; 1/106. Л. 13 об.4, 16 об; НА–79; НА–112.
- ¹⁶ Там же. НА–35, 36, 8, 9, 10, 12, 26, 29, 30, 24, 25, 79.
- ¹⁷ Архив СПМЗ. НА–66.
- ¹⁸ *Закс А.Б.* Речь А.В. Луначарского на конференции по делам музеев // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 213.
- ¹⁹ Архив СПМЗ. НА–66. Л. 4.
- ²⁰ Там же. НА–70. Л. 1–18.
- ²¹ Эл. ресурс: ru.wikipedia.org>Ряховский Василий Дмитриевич.
- ²² Там же. Инв. 1/121. Л. 1. «Шаг на месте (о двух музеях)» // газета «Вперед», от 04.12.1943 г.
- ²³ Там же. ОК. Приказы от 02. 03. 44 г. и 12. 04. 44 г; Инв. 2/72. Л.1–2, 56–124; 2/82. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Инв. 2/72. Л.1–2, 14–14 об.; 2/82. Л.1–3.
- ²⁵ Там же. НА–1/90. Л. 3а.
- ²⁶ Там же. НА–71, НА–72.
- ²⁷ Там же. Инв. 1/110. Л. 13; 1/90. Л. 7; 1/134. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Инв. 2/73. Л. 1–2.
- ²⁹ Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. М., 1995. С. 365.
- ³⁰ Архив СПМЗ. Инв. 1/120. Л. 2, 18, 68, 80–81; 1/122. Л. 4, 12; 1/117. Л. 8–10; 1/113. Л. 5–8.
- ³¹ Смирнова Т.В. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 гг.... С. 423–425.

Опубл.: Кадашевские чтения. Сб. докладов конференции. XIX. М., 2016. С. 267–268.